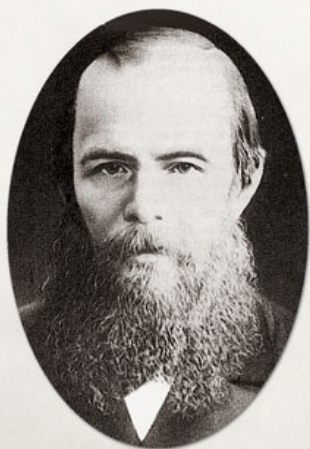

МОНАХИНЯ **КСЕНИЯ** (Н. СОЛОМИНА-МИНИХЕН)

О ВЛИЯНИИ
ЕВАНГЕЛИЯ НА РОМАН

ДОСТОЕВСКОГО
«ИДИОТ»

Монахиня Ксения (Соломина-Минихен) О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24720931

О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот» / Монахиня Ксения (Н. Соломина-Минихен): Скифия; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-00025-069-3

Аннотация

Очередная книга доктора философии Н. Н. Соломиной-Минихен (монахини Ксении) посвящена выявлению смыслов обширного евангельского подтекста романа «Идиот». До отъезда в США и принятия сана, автор участвовал в подготовке 30-томного академического собрания сочинений Достоевского и может считаться одним из признанных специалистов по творчеству выдающегося русского писателя. Прекрасный литературный язык, глубокий анализ, интереснейшие теории позволяют рекомендовать эту книгу как профессиональным литературоведам, так и всем тем, кто хотел бы глубже понимать творчество Федора Михайловича Достоевского.

Содержание

Введение	4
Глава первая	13
1. О некоторых литературно-критических оценках романа «Идиот»	13
2. Возникновение идеи о «Князе Христе»	26
3. «Она умерла почти счастливая»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Монахиня Ксения (Соломина-Минихен) О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот»

*Посвящается светлой памяти моего духовного
отца, митрополита Антония Сурожского*

Введение

О романе «Идиот» существует и продолжает появляться много литературы. Но среди работ, посвященных произведению о «Князе Христе», как Достоевский трижды назвал своего героя в черновиках к роману, не было до сих пор специальной монографии о влиянии Евангелия на замысел и основные литературные источники «Идиота». Частичное исследование этого влияния, разумеется, имело место в работах русских и иностранных авторов, однако его результаты не были обобщены и объективно сопоставлены с авторским замыслом. Некоторая попытка систематизировать и пополнить эти разыскания была предпринята мною в Пушкинском

Доме, где до моего отъезда в США я была сотрудником группы, осуществлявшей тридцатитомное академическое издание сочинений Достоевского. Разрешение на него было получено с трудом, и долгое время никто из членов группы не был уверен в том, что издание действительно окажется полным. В условиях тогдашнего советского режима могли подвергнуться сокращению даже *тексты* Достоевского – например, подготовительные материалы к «Бесам» или «Подростку». И если мы постоянно опасались этого, что же говорить и о наших к ним комментариях! Нужны были изобретательность, настойчивость и мужество, чтобы хоть сколько-нибудь успешно «сражаться» с цензурой. В этих трудных условиях и зародилась у меня мечта о том, чтобы написать работу о влиянии Евангелия на роман «Идиот».

В 1974 году я стала женой Майкла Минихена, переведшего на английский язык известную монографию К. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество», изданную в 1947 году в Париже¹. Мы встретились в Пушкинском Доме осенью 1971 года, когда отмечалось 150-летие со дня рождения великого писателя. К счастью, многие материалы, нашедшие отражение в этой книге, которые по «цензурным условиям» могли быть лишь отчасти использованы в академическом издании, мне удалось до отъезда в Америку переправить в Нью-Йорк.

¹ *Mochulsky Konstantin. Dostoevsky. His Life and Work / Translated by Michael A. Minihan: Princeton University Press, 1967.*

В 1984 году Майкл, более двадцати трех лет страдавший от рассеянного склероза, умер. После смерти мужа я сама долго болела и лишь к весне 1989 года закончила работу над диссертацией, которая легла в основу этой книги. По приговору мне Брауновским университетом докторской степени я вскоре приняла монашеские обеты, но в редкие свободные часы продолжаю заниматься литературным трудом. Надеюсь, предлагаемое исследование внесет нечто новое в понимание одного из великих романов Достоевского.

Существующие интерпретации «Идиота» нередко очень различаются между собой в общем подходе к роману и в оценке его главного героя. Часто они расходятся и с тем, что (как выясняется из анализа текста и творческой истории романа) входило в замысел писателя. Это стало предельно ясным после выхода в Москве сборника статей отечественных и зарубежных исследователей, посвященного «Идиоту»². Несколькими годами позднее был опубликован подроб-

² Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2001. В дальнейшем – *Сборник*. В ряде статей предпринята попытка «нового прочтения» романа и переоценки образа Мышкина. Так, в статье А. Мановцева «Свет и соблазн», вопреки свидетельствам Достоевского, утверждается, что писатель не считал Мышкина «положительным примером» (с. 251). Герой романа голословно обвиняется в безверии и даже в том, что его свет – это «тьма», «сатана, принимающий вид Ангела света» (с. 272). С Т. А. Касаткиной я особенно резко расхожусь в трактовке образа Мышкина и его болезни. Претендуя на интерпретацию произведения, адекватную авторскому замыслу, исследовательница полагает, например, что «освещение» князя в припадке эпилепсии – это, конечно, еще и очевидная перверсия Фаворского Света» (с. 85).

ный и заслуживающий внимания дostoевсковедов критический обзор другого сборника статей об этом же романе, вышедшего в Иваново в 1999 году³. Н. А. Арсентьева убедительно показывает на многих примерах, что роман «Идиот» рассматривается в этом издании «с позиций нетрадиционной постмодернистской методологии, точнее, ее ветви, получившей в современной критике название “дионисийства”, которая характеризуется привлечением к филологическому анализу аргументов, в строгом смысле к научным критериям объективности отношения не имеющих, основанных на домыслах, догадках, даже мистических интуитивных прозрениях. <...> Подобный подход подрывает основы научного метода, ведет к его деконструкции и подмене точных данных лавиной субъективных представлений, отражающих самознание критика в данный момент времени»⁴.

В связи с невероятным разнообразием трактовок романа в начале моей работы рассматривается несколько интересных его оценок как русскими, так и зарубежными учеными и религиозными мыслителями. Мне кажется целесообразным, в соответствии с темой книги, представить мнения православных или хотя бы знакомых с православием авторов.

Далее речь идет о важных моментах становления обра-

³ Арсентьева Н.А. «Крик осла» и «локус идиота»: Размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского “Идиот”: Раздумья, проблемы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб, 2005.

⁴ Там же. С. 376.

зов Мышкина и Настасьи Филипповны и выясняется отчасти смысл евангельского подтекста «Идиота» в отношении главных действующих лиц, а также Мари – героини вставной новеллы. При этом внимание уделяется важной роли новеллы в творческой истории романа.

Поскольку новозаветный подтекст «Идиота» часто осложняется другими художественно-публицистическими воздействиями, я пытаюсь показать, разумеется, лишь в главных чертах, как повлияли на замысел Достоевского основные литературные источники произведения: «Дон-Кихот» Сервантеса, пушкинская баллада «Жил на свете рыцарь бедный...», «Отверженные» Гюго, «Записки Пиквикского клуба» Диккенса. А с другой стороны, было чрезвычайно интересно проследить, как новозаветные мотивы, пронизывая художественную ткань произведения, *подчиняют* эти источники и используемый Достоевским газетно-журнальный материал своему влиянию.

Речь идет также о роли Лебедева в раскрытии новозаветного подтекста и центральной – евангельской – идеи произведения.

Мною исследуется вопрос о воздействии ренановской «Жизни Иисуса» на концепцию романа и на полемику между Мышкиным и Ипполитом, которая планировалась в черновых записях к «Идиоту» и отзвуки которой *явственны* в окончательном тексте. Значительное место уделено также анализу не только злободневно-публицистического, но и

евангельского смысла эпизода с компанией Бурдовского.

Я рассматриваю проблему влияния образа Мышкина, сформировавшегося в воображении автора, на особенности композиции романа. Мною выясняется также значение болезни главного героя в структуре его образа и дается анализ его эпилепсии, которую Достоевский в этом романе стремится представить как заболевание ясновидцев и пророков.

На всем протяжении исследования я стараюсь показать характерные черты православных воззрений писателя, отразившихся сильнее всего в личности Мышкина, а также проследить развитие пронизывающих роман *мотивов скандала*, поскольку и они возникали в значительной степени под влиянием Евангелия.

Основное внимание уделяется мною анализу наиболее важной части *окончательного текста*. Творческая история произведения и сложный путь от неосуществленной его редакции к опубликованному роману освещены И. А. Битюговой и отчасти мною в комментарии к академическому изданию «Идиота», на который я нередко ссылаюсь. Анализ черновых записей Достоевского обычно дается в тех случаях, когда он способствует более глубокому пониманию произведения.

Я очень признательна моему научному руководителю профессору *Виктору Террасу* (1921–2003) за ценные замечания и неподдельный интерес к моей теме. В 1990 году он и

сам опубликовал книгу об этом произведении Достоевского: «*Идиот*». *Одна из интерпретаций*»⁵. В ней ученый знакомит западных читателей с наиболее важными идеями академического комментария к роману, дополняя их полезными сведениями из многих работ иностранных авторов и не однажды перекликаясь с моей диссертацией. В письме ко мне Террас назвал ее «важным и ценным вкладом в достоевскоеведение» и выразил надежду на то, что мое исследование будет опубликовано. Я счастлива тем, что надежда его осуществилась. Надеюсь, читатели извинят меня за то, что в книге почти отсутствуют ссылки на литературу о Достоевском последнего десятилетия. Я, разумеется, стараюсь с ней ознакомиться, но постоянная работа с людьми, погруженность в их житейско-духовные проблемы, а также и другие монашеские послушания не оставляют времени для углубленного изучения этой литературы.

Ознакомление с различными интерпретациями «Идиота» неизбежно ставит перед исследователем вопрос, на который я стремилась ответить: «Что же, в конце концов, хотел *сам Достоевский* сказать своим романом?» К сожалению, я не раз убеждалась в том, что некоторые авторы, писавшие об «Идиоте», не уделили достаточно внимания даже вдумчивому прочтению его *текста*, не говоря уж об изучении твор-

⁵ *Victor Terras. The Idiot. An Interpretation. Boston, 1990.* Некоторые идеи Терраса вызывают у меня возражения. Например, его мнение о том, что приезд Мышкина из Швейцарии и его возвращение туда в конце романа аналогичны Рождеству и Вознесению Христа. *An Interpretation*. P. 86.

ческой истории романа!⁶ По этим причинам, вовсе не претендуя на исчерпывающую полноту охвата своей темы, я пытаюсь, тем не менее, показать, в чем состояли вдохновленные Евангелием художественные устремления Достоевского в пору создания «Идиота», чтобы о романе можно было судить *и с авторских позиций*.

Несколько слов о техническом оформлении книги и о ее справочно-библиографическом аппарате. Ссылки на произведения и письма Достоевского даются в тексте по первому академическому изданию 1972–1989 годов (в скобках арабскими цифрами указываются тома и страницы). Курсив в цитатах обычно принадлежит Достоевскому. Слова, выделенные в цитатах мною, печатаются жирным шрифтом, а употребление мною курсива специально оговаривается.

Работы, упоминающиеся как в основном тексте, так и в подстрочных примечаниях, включены в библиографию, и ссылки на многие из них даются по списку условных сокращений.

Глава и стих Библии обозначаются арабскими цифрами, отделенными друг от друга двоеточием. В цитаты, используемые в этой книге, мною внесено одно изменение: слова «Бог», «Архангел», «Ангел», а также местоимения, заменяющие слова «Бог» и «Христос», пишутся с заглавной буквы.

⁶ Например, в статье Елены Мастергази из *Сборника*, озаглавленной «Вера и князь Мышкин: Опыт «наивного» чтения романа “Идиот”» (курсив мой. – М. К.), декларируется: «Для Лебедева князь – человек, “сам себя обокравший” своим неверием в Бога и наказанный за это безумием» (с. 309).

* * *

Я храню в сердце память о своем учителе, *Аркадии Семеновиче Долинине*. Годы напряженной работы под его руководством дали мне редкую возможность приобрести навыки исследователя, текстолога и редактора, без которых книга не могла бы быть написана.

От души благодарю *всех моих друзей* в России, Великобритании и США за их ободрения и молитвы.

Мать Ксения (Соломина-Минихен)

Глава первая

1. О некоторых литературно-критических оценках романа «Идиот»

Поистине широкую известность и признание в России и за рубежом роман «Идиот» получил лишь в первой четверти XX века. При жизни писателя отклики на него даже и в русской печати были немногочисленны. Их добросовестный обзор сделан И. А. Битюговой в академическом комментарии к роману (9, 410–420). Самый значительный из отзывов принадлежит, как известно, Салтыкову-Щедрину, который говорит не только о национальном, но и *об общечеловеческом значении* романа. Щедрин видит в князе Мышкине «тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», – не только *русский* идеал, но и воплощенную «цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». Для него Мышкин – лицо, «полное жизни и правды», написанное с «высокой художественной прозорливостью» и совершенно особое «по глубине замысла». Щедрин говорит, что за запутанными и невыясненными жизненными вопросами, занимающими человечество в «данную минуту», «стоит нечто, не представляющее уже

никакой запутанности и неясности. Это ясное и незапутанное есть стремление человеческого духа прийти к равновесию, к гармонии», т. е. к тому состоянию, которого, по мнению русского сатирика, Мышкин в значительной степени достиг. «Это, так сказать, конечная цель», – пишет Щедрин. Ввиду *этой цели* «даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями!» По мысли Щедрина, Достоевским решена «лучезарная задача», «поглощающая в себе все переходные формы прогресса». Так, история человечества осмысливается Щедриным как долгий путь, ведущий через «промежуточные станции» различных форм прогресса к достижению «нравственного и духовного равновесия» князя Мышкина. Усилия захваченной революционными настроениями части общества, – считает он, расходясь в этом кардинально с автором «Идиота», – «всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль» автора романа⁷. Достоевский не мог не дорожить мнением рецензента о своем герое, так как Щедрин оказался одним из немногих современников, отчасти понявших и высоко оценивших образ Мышкина. Во всех остальных прижизненных отзывах обнаруживается недопонимание романа и неприятие творческого метода Достоев-

⁷ *Салтыков-Щедрин*. Т. IX. С. 411–413. Щедрин включил эту оценку образа Мышкина в рецензию на роман Омулевского «Шаг за шагом», напечатанную в апрельском номере «Отечественных записок» за 1871 г. С. 300–308, без подписи.

ского, которого с позиций «традиционной реалистической эстетики», – отмечает И. А. Битюгова, – обвиняли в «идеализме», «фантастичности», «излишней тонкости анализа» и т. п. (9, 410 и след.).

Отстаивая в письме к Страхову «свой особенный взгляд на действительность (в искусстве)» (29₁, 19), Достоевский в то же время соглашался со многими критическими замечаниями, особенно когда они касались композиции романа, и признавался в письме к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 года, что не выразил романом «и 10-й доли» того, что хотел. Он, однако, «не отрицался» от своего произведения и писал, что любит свою «неудавшуюся мысль» (29₁, 10). Поэтому возраставший с течением времени успех романа «у публики», естественно, радовал писателя. Об этом говорит письмо к А. Г. Ковнеру от 14 февраля 1877 года. Ковнер считал роман «Идиот» шедевром Достоевского. «Вы судите о моих романах, – отвечал ему писатель. – Об этом, конечно, мне с Вами нечего говорить, но мне понравилось, что Вы выделяете как лучшее из всех “Идиота”. Представьте, что это суждение я слышал уже раз 50, если не более. Книга же каждый год покупается и даже с каждым годом больше. Я про “Идиота” потому сказал теперь, что все говорившие мне о нем как о лучшем моем произведении имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся. А если и у Вас такой же склад ума, то *для меня* тем лучше» (29₂, 139).

Джозеф Франк ссылается на это письмо в начале своей очень значительной статьи «Одно из прочтений “Идиота”». Статья эта, тщательно отредактированная и дополненная автором, под заглавием «Идиот» вошла позднее как глава, посвященная окончательной редакции романа, в четвертый – предпоследний – том литературной биографии писателя. Этот том назван: «Достоевский. Чудесные годы, 1865–1871»⁸. Как и тома предыдущие, он написан с большим мастерством и тактом и читается с захватывающим интересом. Жизнь и творчество писателя раскрываются на многокрасочном культурно-историческом и религиозно-философском фоне. Исследователь широко использует комментарий к академическому изданию Достоевского и считает статью Скафтымова «Тематическая композиция романа “Идиот”» лучшим из всего написанного по-русски об этом произведении. Я вполне разделяю мнение Франка, что этот роман – одно из наиболее личных творений Достоевского, в котором он «воплотил свои самые интимные, дорогие (cherished) и святые убеждения». Читатели, принявшие эту книгу близко к сердцу, считает Франк, были для Достоевского «избранной группой родственных душ», с которыми общение могло быть истинным⁹. Периоду создания «Идиота» посвящены главы 13–17. Последней из них предпослан многозна-

⁸ Dostoevsky. *The Miraculous Years, 1865–1871*. Princeton, NJ, 1995. Далее: *Чудесные годы*.

⁹ *Чудесные годы*. С. 316.

чительный эпиграф из труда «Природа и судьба человека» Рейнгольда Нибура (1892–1971), протестантского теолога, родившегося в США в семье немецких эмигрантов. Эпиграф проливает свет на понимание Франком личности и судьбы князя Мышкина: «Предельное величие, всеконечная свобода и совершенное бескорыстие Божественной любви могут найти свое выражение в истории (can have a counterpart in history) только в жизни, которая завершается трагически. <...> Невозможно символизировать Божественную благодать в истории ничем, кроме полного бессилия»¹⁰.

По мнению Франка, воплощенный в главном герое романа «эсхатологический идеал» несовместим с требованиями обычной общественной жизни. Но как бы ни была трагична жизнь Мышкина и тех, кто связан с ним *в этом мире*, князь «приносит с собою неземное озарение мира высшего, которое все чувствуют и на которое все отзываются. И в этом-то отклике на “свет, который во тьме светит”, провидел Достоевский единственный луч надежды для будущего»¹¹.

К числу тех, кто полагал, что этот роман – вершина творчества Достоевского, принадлежит Романо Гвардини. Заключительная глава его книги, которую я читала в переводе на французский, посвящена анализу «Идиота»¹². Книга пол-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 341. Исследователь приводит слова четвертого евангелиста: Ин 1: 5. Все цитаты из книги Франка переведены на русский мною. – М. К.

¹² В оригинале книга Гвардини написана по-немецки. Лейпцигское издание ее,

на глубоких прозрениях, но с некоторыми из ее идей, как будет отмечено в этой работе, я не могу согласиться. Последнюю главу книги, в собственном переводе на русский, пространно цитирует Л. А. Зандер в «Тайне добра», развивая и дополняя идеи автора. «Если следовать Guardini, – пишет он, – то в мире героев Достоевского князю Мышкину должно принадлежать высшее, последнее и абсолютное место. Ибо он есть образ воплощенного добра и осуществленного идеала»¹³.

Действительно, даже в построении книги Гвардини отражено его «иерархическое» отношение к положительным героям Достоевского. Так, во второй главе он говорит о Со-не Мармеладовой из «Преступления и наказания» и Софье Андреевне из «Подростка». Глава названа «Тихие и великое приятие» («Les silencieux et la grande acceptation»). В третьей речь идет об образах «духовных мужей»: Макара Долгорукого, старца Зосимы и его брата Маркела; Алеше Карамазову посвящена, в основном, глава четвертая: «Херувим», а князю Мышкину – седьмая, завершающая и названная (в соответствии с авторским пониманием сущности его образа) «Символ Христа». Я буду не раз возвращаться к этой главе,

с которого сделан имеющийся в моем распоряжении французский перевод (см. библиографию), вышло в 1932 году под заглавием: «Der Mensch und der Glaube. Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs grossen Romanen». – «Человек и вера. Попытка трактовки религиозной жизни в великих романах Достоевского». Французское издание этой книги я цитирую в собственном переводе.

¹³ Зандер. С. 115.

а здесь собираюсь остановиться лишь *на некоторых особенностях* гвардиниевского подхода к «Идиоту».

Заключая предисловие к своей книге, автор делает важное для читателей признание в том, что из всего написанного о Достоевском он прочел лишь малое число работ и даже по отношению к ним «всегда стремился сохранить свою независимость». У него создалось впечатление столь интимного контакта с великими произведениями писателя, что он «позволил себе попытаться думать в одиночку»¹⁴.

Католический священник и богослов, Гвардини, тем не менее, обходит молчанием антикатолические места романа «Идиот», хотя они, разумеется, не прошли мимо его внимания¹⁵. Он стремится раскрыть *обще христианский* религиозно-этический смысл этого произведения. И нет ничего неожиданного в том, что чуткость к духовному, глубокое знание Нового Завета, *жизнь в согласии с ним* позволили ему глубже многих исследователей почувствовать особую атмосферу романа. По мнению Гвардиям, возвращаясь к чтению «Идиота», мы всякий раз испытываем на себе «потрясающую религиозную напряженность этого мира», сравнимую лишь с той, которую вызывают творения Рембрандта¹⁶.

¹⁴ *Guardini*. P. 23.

¹⁵ Гвардини снабдил пятую главу своей книги подстрочным примечанием о В. С. Соловьеве; в конце примечания он пишет, что русский философ, ставший позднее католиком, был в то же время гораздо компетентнее, чем Достоевский, в критике католицизма. – *Guardini*. P. 114.

¹⁶ *Ibid.* P. 221.

Мы глубоко чувствуем присутствие Бога, все себе подчиняющее, над всем царящее, хотя о Нем и говорится очень мало. Естественно также, что Гвардини легче было почувствовать и отчасти раскрыть евангельский подтекст «Идиота». Исследователь косвенно свидетельствует о необходимости *более полного* его раскрытия, опасаясь (не без оснований), что интерпретация образа Мышкина связана с риском самообмана и может показаться нелепой и с филологической, и с религиозной, и с философской точек зрения: у объективного наблюдателя может создаться впечатление, будто Гвардини «впадает в сентиментальность», и до такой степени, что принимает «более или менее упадочного душевно больного за живой символ Христа!»¹⁷.

Детальный анализ евангельского подтекста романа, способствуя раскрытию глубины христоподобия главного героя, в котором я, кстати сказать, не нахожу «упадочности», подтверждает верность многих идей и наблюдений Гвардини, но, на мой взгляд, не делает его интерпретацию менее рискованной. Как я постараюсь показать, *у нас нет оснований для того, чтобы считать Мышкина символом Самого Христа.*

Поскольку исследователь стремился исходить лишь из углубленного прочтения текста романа, будет интересно отметить в дальнейшем совпадение некоторых его мыслей с идеями самого Достоевского, отраженными в подготовительных материалах к «Идиоту». Эти материалы свидетель-

¹⁷ Ibid. P. 256.

ствуют с абсолютной очевидностью, что именно четвертое Евангелие, как интуиция подсказала Гвардини, сыграло важнейшую роль в решении писателя создать образ «Князя Христа». Так как я углубилась в изучение творческой истории этого романа, Гвардини совершенно неведомой, задолго до ознакомления с его книгой, меня особенно поразило и обрадовало признание автора в том, что он сумел по-настоящему принять Евангелие от Иоанна *только после чтения «Идиота»*. Он говорит, что долгое время это Евангелие оставалось для него как бы «закрытым», во многом не понятным. Он не мог, например, постигнуть логики ответов Иисуса на задаваемые Ему вопросы. Но прочтя «Идиота», Гвардини заметил в Мышкине нечто, напоминающее Иоанново Христа. Далее французский исследователь подробно рассказывает, как этот роман заставил его увидеть зависимость между взаимоотношениями действующих лиц, их реакциями на происходящее от того *уровня*, или «плана», на котором проходит их существование. Он развивает свою мысль, иллюстрируя ее на материале романа. Суть его рассуждения сводится к тому, что разноплановость существования Мышкина и остальных действующих лиц, так же как и разноплановость существования Христа и «мира», вызывает и поддерживает атмосферу «скандала». Ею проникнуты и роман, и Евангелия, в особенности Иоанново. В дальнейшем я буду подробнее говорить о месте «скандала» в романе. Сейчас отмечу только, что исследователь совершенно прав. Пометы Достоевского на лич-

ном экземпляре Нового Завета свидетельствуют о том, что писатель остро почувствовал мотивы скандала в Евангелиях и потому в преображенном виде перенес их в роман.

Гвардини не раз подчеркивает глубокую жизненность образа Мышкина и подлинную человечность его. Тем не менее он полагает, что атмосфера вокруг героя и *суть его существования* превосходят человеческое. Эту способность Достоевского изображать в человеческих образах «сверхчеловеческие реальности» Гвардини считает самой таинственной и загадочной особенностью его творчества и дает интересное объяснение того, каким образом она осознается читателями, с его точки зрения: «Происходит это, однако, не путем фантазии, а совершенно иначе: перед вами стоит человек – законченная, конкретная, единственная в своем роде личность; он живет, действует, имеет свою судьбу, и – вдруг – из него как бы вырастает другой образ, уже не человеческий в своей духовной значительности»¹⁸.

Если Романо Гвардини писал, ничего не зная об истории создания «Идиота», то Константин Мочульский в своей монографии «Достоевский. Жизнь и творчество», напротив, широко пользуется черновыми материалами к роману. Характерной особенностью его книги является, на мой взгляд, эклектичность. Наряду с собственными идеями автор (обычно не прибегая к ссылкам) вводит в свой труд концепции и мнения исследователей, писавших до него: Вячеслава Ива-

¹⁸ Цит. по: Зандер. С. 105.

нова, Николая Бердяева, Константина Леонтьева и других. Прослеживая в главе, посвященной «Идиоту», процесс перехода от неосуществленной редакции произведения к окончательному тексту, он отчасти идет по следам П. Н. Сакулина, который впервые проанализировал и в 1931 году опубликовал подготовительные материалы к роману. Однако недостаточно тщательное ознакомление с его работой порою приводит Мочульского к неверным заключениям. Я считаю необходимым кратко остановиться только на том, что представляется мне совершенно не приемлемым в его трактовке образа Мышкина.

Ценные мысли и наблюдения соседствуют в книге Мочульского с категорическими и в то же время ошибочными выводами. Исследователь неоднократно вполне отождествляет отношение *героев «Идиота»* к князю Мышкину с *авторской оценкой* его образа. Так, пересказывая тираду Евгения Павловича Радомского, обращенную к Мышкину в конце романа, Мочульский заключает, что устами своего «резонера» и представителя «практического разума» Достоевский «судит и осуждает “несчастливого идиота”». По мнению Мочульского, князь – не только «фантазер, мечтатель, терпящий полное поражение при столкновении с действительностью», но и «моральный сообщник» Рогожина в убийстве Настасьи

Филипповны¹⁹. Мочульский полагает также, что князь

¹⁹ Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1947. С. 300, 303,

«проповедует спасение (sic!) через экстатическую любовь к жизни» и что в «Необходимом объяснении» Ипполита этот «мистический натурализм» «беспощадно осужден приговоренным к смерти». Он затем приходит к заключению, что в исповеди Ипполита «обличается “христианство” князя» (с. 307). Ставя слово «христианство» в кавычки, автор недвусмысленно дает понять, что оно не может приниматься всерьез, и называет его «мечтательным» (с. 310). Самыми «эффектными», но, к сожалению, и самыми безосновательными являются заявления о том, что, согласно черновым материалам, в романе должен был появиться «не князь, а Христос». Однако в окончательном тексте «“божественность” князя исчезла», так как писатель «преодолел соблазн написать “роман о Христе”» (с. 286). Опровержению упомянутых выше положений Мочульского уделено достаточное внимание в дальнейшем. Я стараюсь, в частности, показать, что ни на какой стадии работы у Достоевского не возникало соблазна написать «роман о Христе». Но, с другой стороны, он не изменял принятому им в определенный момент решению сделать центральным героем «Князя Христа», т. е. «светского праведника», пользуясь выражением самого же Мочульского (с. 310). Это решение, как подтверждают и черновые материалы, существенно повлияло на композицию романа и предопределило трагический финал его: смерть главного героя, хотя пути, приведшие к его гибели, многократно варьирова-

лись в воображении Достоевского.

Одной из моих задач является также доказательство того, что христианство Достоевского и его героя вовсе не было мечтательным. Я вполне разделяю мнение Роджера Л. Кокса, выраженное в его книге «Между землей и небом». Он считает, что как бы отрицательно ни относился тот или иной читатель к религиозным воззрениям, отраженным в «Идиоте», не может быть никакого сомнения в том, что «христианство Достоевского было библейским»: писателя вдохновляли, главным образом, Апокалипсис и Евангелие от Иоанна. Исследователь пришел к заключению, с которыми я совершенно согласна, что в «поразительном» образе Мышкина романисту хотелось воплотить идею «искупительной любви русского православного христианства», как она переживалась «чистым и возвышенным верующим»²⁰.

²⁰ *Сох.* Р. 180, 175.

2. Возникновение идеи о «Князе Христе»

Работая над подготовкой академического издания романа «Идиот», я уделила много внимания изучению помет Достоевского на принадлежавшем ему экземпляре Нового Завета²¹. Позднее, в 1984 году, тексты, отмеченные писателем в этой книге, были опубликованы Г. Хетсой с параллельным их переводом на английский язык (см. библиографию)²².

На страницах Нового Завета около 180 помет. Они имеются на двадцати одном из двадцати семи текстов, вошедших в его состав; 58 из них сделаны на Евангелии от Иоанна, 6 – на его «Первом соборном послании» и 16 – на Апо-

²¹ Хранится в Рукописном отделе РГБ (Москва).

²² Уже углубленно занимаясь своей темой, я с удовлетворением узнала о выходе еще одной книги Хетсы: «Федор Достоевский. Жизнь писателя». Я тут же приняла решение ознакомиться с работой норвежского ученого *после окончания своего исследования*. Мне хотелось остаться вполне независимой от влияния этой книги, поскольку мы оба потратили много сил на изучение одного и того же материала – столь важных для творческой истории «Идиота» помет Достоевского на его экземпляре Нового Завета. Я согласна со многими мыслями исследователя о Мышкине и, в частности, с тем, что он, в довольно значительной степени, является идеализированным портретом самого Достоевского. Об элементах автобиографизма в образе князя говорится как в написанном мною разделе академического комментария к роману (9, 385–389), так и в предлагаемой работе. В наших истолкованиях этого образа есть и совпадения, и заметная разница. Поэтому они сохраняют, как мне кажется, свое *самостоятельное* значение и интерес.

калипсисе²³. Поистине знаменателен тот факт, что 80 помет находятся на страницах, автором которых по традиции принято считать Иоанна Богослова.

Публикация Хетсы представляет для дostoевсковедов большой интерес. Но я использую свой собственный анализ помет, когда он сделан более точно и детально. В публикации Хетсы встречаются погрешности, неизбежные, по видимому, во всякой текстологической работе значительного объема. Он, например, не отмечает вовсе, что на страницах книги, являющейся первым переводом Нового Завета на русский язык (СПб., 1823), отчетливо различимы *три слоя помет*. Один сделан уже почти стершимся карандашом и принадлежит, очевидно, к периоду каторжному. Безусловно позднее первого, хотя и трудно сказать, когда именно, появился второй слой – тоже карандашный, *по равномерно четкий*. Третий – пометы чернильные – относится, вероятно, к шестидесятым и семидесятым годам: среди отмеченных чернилами строк Нового Завета преобладают те, которые были «перенесены» в великие романы (от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых»). Как естественно предположить и как будет видно из дальнейшего, *все три слоя помет* останавливали на себе внимание писателя при перечитывании Евангелия. Пометы эти способствуют раскрытию евангельского подтекста романа²⁴. Характер

²³ Хетса. С. 8.

²⁴ Следует иметь в виду, что, по свидетельству А. Г. Достоевской, в

подтекста, в основе своей – *православный*, его чрезвычайное богатство и глубина объясняются самой природой религиозно-этического замысла писателя, о которой речь пойдет позднее.

Из множества помет особое внимание обращают на себя *три группы их*, каждая из которых содержит определенный мотив, отразившийся в «Идиоте». Так, Достоевский почти неизменно отчеркивает строки, говорящие о *гонениях фарисеев на Христа, о том, как они «ищут» побить его камнями, потому что слово Его «не вмещается» в них*: в главе VIII Евангелия от Иоанна отчеркнут и отмечен знаком NB стих 37, в главе X – стих 31; отчеркнуты также стихи 18–20 в главе XV²⁵. Не дублируя буквально евангельской ситуации (это было бы попросту невозможно), сходные мотивы повторяются и в новелле о Мари: князь Мышкин упоминает о «гонениях» на Мари и на него самого всей деревни и – дважды – о том, что дети, не желая слушать увещаний, кидали в него камнями (8; 58, 60, 63). Столь же постоянно отмечал писатель свидетельства о глубочайшей проникнутоеTM Христа идеей *Своей миссии*, о неизменном исполнении Им воли Отца и о трагическом противостоянии Его личности «миру». Отчеркивания подобных мест многочисленны²⁶. Те же мотивы, хотя, разумеется, преображенные Достоевским,

²⁵ библиотеке ее мужа имелось несколько экземпляров Евангелия. Пометы писателя могли быть и на других его изданиях. См.: *Гроссман. Семинарий*.

²⁶ Там же. С. 25–41.

есть и в романе. В новелле о Мари, например, князь признается Епанчиным, что, идя «к людям», с которыми ему, может быть, будет «скучно и тяжело», он «положил исполнить свое дело честно и твердо» (8, 64). Однако позднее читатель узнает, что под гнетом «неразрешимых обстоятельств» Мышкина не раз охватывало желание «оставить всё это здесь»: «Он предчувствовал, что если только останется здесь хоть еще на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю. Но он не рассуждал и десяти минут и тотчас решил, что бежать “невозможно”, что это будет почти малодушие, что пред ним стоят такие задачи, что не разрешить или по крайней мере не употребить всех сил к разрешению их он не имеет теперь никакого даже и права. <...> Он был вполне несчастен в эту минуту» (8, 256). Строки о томлении князя и о принятии им после внутренней борьбы своего пути, *своего креста* навеяны евангельским рассказом о борении Иисуса в Гефсиманском саду. Мышкин упоминает об этом эпизоде в самом начале романа (8, 21)²⁷.

Для раскрытия истоков мировосприятия Мышкина особое значение имеют маргиналии, выделяющие главную идею Иоаннова Евангелия. Она выражена в «новой» заповеди Христа о любви к друг другу. Так же тщательно писатель от-

²⁷ На личном экземпляре Нового Завета глава XXII Евангелия от Луки, в которой о Гефсиманском борении Иисуса рассказано с наибольшим драматизмом, отмечена в начале и в конце чернильным крестом (*Хетса*. С. 25).

мечал возвращения к этой идее, ее оттенки и «вариации» в «Первом соборном послании» Иоанна Богослова. Четвертая его глава, в которой проповедь любви звучит с наибольшей настойчивостью и силой, отмечена карандашным крестом, и в тексте отчеркнуты стихи 6–8, 10–12, 19–21; они проникнуты единой мыслью: «Естьли так мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершилась в нас». Стих 12-й отчеркнут двойной чертой²⁸. Особое внимание писателя обращено было на стихи 6–8: «По *сему-то* узнаем духа истины и духа заблуждения. Возлюбленные! станем любить друг друга; ибо любовь от Бога, и всякой, кто любит, рожден от Бога, и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога; потому что Бог есть любовь».

В окончательной редакции романа, отвечая Рогожину на его вопрос «насчет веры», Мышкин говорит, что главнейшая мысль Христа, в которой «вся сущность христианства разом выразилась», – это «понятие о Боге как о нашем родном отце и о радости Бога на человека как отца на свое родное дитя». Эта, по определению князя, «истинно религиозная мысль», высказанная ему «простой бабой» (8; 183–184), наиболее близка духу Иоаннова Евангелия – Евангелия Любви, в одной из последних глав которого приведены слова воскресшего Господа, обращенные к Марии Магдалине: «...иди

²⁸ Новый Завет цитируется здесь и выше по тексту издания, принадлежавшего Достоевскому, так как в нем есть некоторые разночтения с более поздним переводом, который я использую в данной работе. Норвежский исследователь не учел пометы писателя на шестом стихе. Ср.: *Хетса*. С. 47.

к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему»²⁹.

«Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец», – отчеркивает Достоевский стих 11-й десятой главы. Затем он отмечает квадратной скобочкой и знаком NB стих 17-й, завершающий повторение и развитие этой же идеи в предшествующих ему стихах (12–16): «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее». Эти слова Христа о Себе как о «пастыре добром» писатель *особенно глубоко* принял в сердце. Они определили, в основном, и взгляд Достоевского на Богочеловека, и понимание им сущности христианства, переданные главному герою «Идиота». Эти строки являются ключевыми для понимания всего романа и, в особенности, – финала его. Финалом этим (Мышкин и Рогожин у трупa Настасьи Филипповны) писатель не только был глубоко удовлетворен, но даже гордился и считал его великолепным и органичным завершением своего произведения.

Вопрос о влиянии Евангелия на замысел и основные литературные источники романа о хриstopодобном герое тесно связан с другой, быть может, еще более сложной проблемой. Я имею в виду многолетний процесс становления религиозных взглядов писателя, его возвращения к вере, утраченной во второй половине сороковых годов и вновь обретенной в послекаторжный период. Эта проблема должна, од-

²⁹ Ин 20: 17.

нако, стать предметом отдельного исследования, для которого у меня накопился большой и захватывающе интересный материал. В предлагаемой работе отражены некоторые выводы, явившиеся результатом его обдумывания.

В 1939 году Н. О. Лосским была закончена монография «Достоевский и его христианское миропонимание». Опубликованная по-русски в 1953 году, она до сих пор во многом сохраняет свою ценность и была переиздана (см. библиографию). Но с завершением академического издания Достоевского 1972–1989 годов открывается возможность для нового, более детального и глубокого исследования этой важнейшей проблемы, поскольку комментаторами сделаны разыскания, имеющие к ней прямое отношение.

Приступая к анализу новозаветного подтекста «Идиота», мне представляется необходимым подчеркнуть, что в процессе создания этого произведения сложился *весь комплекс религиозно-философских убеждений Достоевского*, получивших развитие и углубление в его последующих художественных произведениях и публицистике. Вот почему в позднейшем творчестве писателя *так часты переключки со многими строками этого романа*.

22/10 декабря 1867 года А. Г. Достоевская записала в своем женеvском дневнике, что Федор Михайлович начал диктовать ей «новый роман», отказавшись от продолжения первоначальной версии «Идиота»³⁰. Черновые записи к обеим

³⁰ ЛН, т. 86. М., 1973. С. 280.

редакциям дошли до нас, вероятно, далеко не в полном объеме, а рукописи не сохранились вовсе³¹. Первая из записей к окончательной редакции датирована 7-м марта н. ст. 1868 года; к этому времени вся первая часть «Идиота» уже была опубликована в «Русском Вестнике». Поэтому для прояснения истоков нового замысла писателя еще большую важность приобретают его хорошо известные письма к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой от января н. ст. 1868 года, в которых он определяет свою необычайную по трудности задачу: «изобразить вполне прекрасного человека». Приступая к ее выполнению, Федор Михайлович глубоко сознавал дерзновенность своей попытки, так как был убежден, что осуществить ее успешно *не удалось еще никому из писателей* – не только русских, но и европейских. Они «пасовали», т. е. терпели более или менее значительную неудачу: «Потому что эта задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался» (28₂, 241, 251).

Вчитываясь в лучшие произведения «литературы христианской», Достоевский обобщал, усваивал, переосмысливал художественный опыт Сервантеса, Гюго, Диккенса. Постоянно размышляя над образами Дон-Кихота, Жана Вальжана

³¹ Рукописи «Идиота» были сожжены Достоевским перед возвращением в Россию из-за границы в 1871 г. См.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*. С. 198. Судьба наборной рукописи неизвестна. Была утрачена также и часть подготовительных материалов к роману. См. подробнее: 9, 339.

и Пиквика, писатель обращается мыслью и непосредственно к самому истоку христианской литературы – к Новому Завету и к Личности, вдохновившей его создание. Достоевский признается своей любимой племяннице С. А. Ивановой, что Христос для него – единственное «на свете» «положительно прекрасное лицо». При этом автор создающегося романа особенно выделяет Евангелие от Иоанна, которое, по его словам, с наибольшей глубиной воссоздает «безмерно, бесконечно прекрасное лицо» Христа и «всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного» (28₂, 251).

Необходимо сразу же принять во внимание, что хотя с первых страниц романа князь – глубокий христианин и в нем уже есть некоторое «христороподобие», лишь позднее, в начале апреля – насколько можно судить по дошедшей до нас части черновых материалов, – Достоевский придет к сознательному решению об уподоблении своего героя Христу. Мысль эта возникла у него в непосредственной связи именно с Евангелием от Иоанна. 10 апреля 1868 года писатель, очевидно, погруженный в раздумья о развитии своего замысла, заполняет одну из страниц записной книжки пробами пера. Важнейшие из них: «Смиренный игумен Зосима, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст»³². Эта цепь

³² Имена трех великих отцов церкви, живших в IV веке, упомянуты Достоевским вместе, так как память их издавна отмечается в православии не только индивидуально, но также и особым праздником: Собор вселенских учителей и свя-

однородных, по существу, ассоциаций (имена русского святого и греческих отцов церкви написаны каллиграфически) завершается столь же тщательно выписанной пробой пера: «Евангелие Иоанна Богослова». Сразу после нее, *уже вне всякой каллиграфии*, нервным, размашистым почерком писатель фиксирует сложившуюся у него мысль: «Князь Христос». Перечитывая записи, сделанные накануне, он сходным почерком еще раз повторяет те же слова на полях одной из соседних страниц. Затем, между 10 и 13 апреля, размышляя над тем, какое «поле действия» избрать для главного героя, Достоевский отмечает еще раз: «Кн<язь> Христос» – и, утвердившись в этой мысли, переходит к уточнению отдельных моментов фабулы (9; 246, 249, 253).

Хриstopодобие присуще в той или иной мере *всем истинным христианам*. Принимающий крещение «облекается во Христа». В одной из своих замечательных книг

К. С. Льюис, бывший членом Англиканской Церкви, писал, что только в этом облечении и состоит все христианство – для каждого человека³³. Многие черты хриstopодобия Мышкина раскрываются уже в новелле о Мари. Ей принадлежит важная и еще до конца не осознанная исследователями роль в творческой истории романа. При работе над новеллой огромное значение имели для Достоевского как си-

тителей (30 янв. н. ст.). Потому и на иконах они часто изображаются втроем.

³³ См: Последование святого миропомазания в любом «Требнике» и Lewis C. S., *Mere Christianity*. NY, 1965. P. 166.

ноптические Евангелия, так и во многом отличающееся от них Иоанново.

3. «Она умерла почти счастливая»

К новелле не сохранилось черновиков, и в самом романе автор только однажды совсем ненадолго возвращает внимание читателей к этому эпизоду. Он, однако, достоин серьезного рассмотрения. Как мы вскоре убедимся, Достоевский почти на всем протяжении работы то и дело возвращался мысленно к истории Мари. Я постараюсь показать, почему эти «возвращения» отразились в произведении менее значительно, чем того долго хотелось автору.

Эпизод начинается и вполне заканчивается в пределах небольшой главы. Это монолог князя, обращенный к Епанчиным. Тема его определяется в предыдущей главе: Мышкин соглашается рассказать о том, как он «был счастлив». Это монолог-воспоминание, мотивировкой которого служит настойчивая просьба Аделаиды. Девушке кажется, что счастье князя объяснялось его влюбленностью в кого-то. После ответа: «Я не был влюблен, я был счастлив иначе», – следует нетерпеливый вопрос: «Как же, чем же?» (8, 57). И начинается рассказ о трагической истории двадцатилетней деревенской девушки, в жизнь которой, как и в жизнь самого Мышкина, принесли утешение, внутреннее исцеление и радость дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.